

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 37

1 ноября 1944 года

№ 37

СОДЕРЖАНИЕ:

Слово, сказанное по радио
14 октября ген. Красновым

★

Исторические очерки Дона
(продолжение) — П. Н. Краснов

★

Бой под Иканом — А. Масынов

★

Яик — стихотворение А. Карпова

★

Казачьи и иногородние

★

В первой казачьей (продолжение) — А. Яганов

★

Мы куем кадры (продолжение) — В. Никонов

★

Оля — повесть Ф. Печорина

Всюду — посты. На постах — казаки. Тысяча верст на коне — пустыни,
Чтутся преданья глухие. Это — родная стихия!

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Слушайте что говорит вам! старый казак!

Слово

сказанное по радио 14 октября 1944-го года Начальником Главного Управления
Казачьих войск генералом от кавалерии Красновым.

Родные казаки!

Вам говорит бывший атаман Всевеликого Войска Донского казак Каргинской станицы Петр Краснов.

Я говорю Вам из Германии, из Берлина, где теперь я Начальник Главного Управления Казачьих войск.

Слышите-ли вы меня рассеянные по всему свету казаки славных одиннадцати казачьих войск?

Если воздушная волна случайно донесет мой голос в страну голода, жидовского насилия и рабства под кровавою пятою палача Сталина — прислушайтесь ко мне те, кто в большевистском застенке принужден скрывать свое казачье имя и таиться под красноармейской звездой, или прятаться по подвалам, боясь, что донесут и откроют его казачье имя.

Как мощная орлица собирает под свое крыло молодых орлят — Германия собрала под свою защиту казаков. Не один десяток тысяч казаков — Донцов, Кубанцев, Терцев, Астраханцев, Уральцев, Оренбургцев, Сибиряков, Семиреченцев, Забайкальцев, Амурцев и Уссурийцев — сотнями, полками и дивизиями, как союзники Германии встали в ряды Германской армии и сражаются с большевизмом за свободу своих родных куреней.

Вы слышите, казаки войны, мой голос? Голос старого казака, любящего вас, как любит отец своих сынов, как любит старый, заслуженный дед юных внуков своих.

Те из казаков, кто постарше и помнит меня в их рядах — знают: я никогда казакам не лгал. Казаки и казачки знают, как горячо я их любил и люблю. Для меня слава казачья и ваше имя дороже всего. Дороже самой жизни.

1-го (14-го) октября — праздник Покрова Пресвятой Богородицы — наш общий Войсковой праздник. В этот день на протяжении слишком пяти веков казаки собирались на войсковой Круг, выбирали атаманов, решали свои войсковые дела... Молились Богу... Готовились к зимним походам и поискам. В эти дни говорили они в своих бедных воинственно-простых городках степных: «все житию нашему казачьему завидуют... Смеются над нашей бедностью рыцарской, сермяжными рыцарями обзывают нас... Да и точно — зипуны у нас сермяжные, да умы зато бархатные»...

Поздравляю Вас, друзья, атаманы молодцы, с нашим войсковым праздником!...

Какая выпала на нас тяжелая нынешняя година!

На востоке наемник англо-американского капитала палач Сталин гонит миллионы за миллионами обезличенных, голодных советских рабов на убой. От Ледовитого океана до Черного моря и голубых Дунайских волн земля дымится человеческой кровью. Осенний воздух смердит трупной вонью. Везде валяются порушенные машины, обгорелые остатки самолетов. Деревни сожжены. Города в развалинах, поля, нивы и огороды потоптаны... Голод!... Нищета!!.. Разбой!!.. Насилия!!! Убийства!!!

Кругом — измена... предательство... Непревзойденная людская подлость. Солдат финляндец стреляет в своего соратника — немецкого солдата, с кем три года сражался плечо к плечу за свободу Финляндии... Румыния поклонилась жиду и хаму. Болгария и Сербия пошли в кабалу жидовскому капиталу и уничтожают себя самих и свое честное имя в огне восстаний.

На западе американский капитал гонит другие миллионы английских, американских, канадских, французских, польских, марокканских, индийских и негрских продавших душу дьяволу солдат на убой. Оттуда идут подлые налеты на мирные города. Не падают церкви; сжигают больницы; не дают покоя мертвым на кладбищах. Вся Европа в огне! В этом огне разрушения грозной крепостью стоит Германия. Мощнее и сильнее становится ее оборона. Все более и более дорогой ценой, потоками крови, горами убитых приходится врагу платить за каждый аршин завоеванной земли.

Крепнет в боях германский народ. На смену уставшим идет юная, смелая молодежь. Ободренная словом своего Фюрера она знает, за что, за какие невесомые ценности свободы и счастья родины идет она в бой с несметным диким врагом.

С немецким народом, с этой героической молодежью бок о бок идут казаки и легионы других людей сражаться за свободу; за новую Европу... За жизнь без жидов... Без насилия богатого над бедным. За счастье мирного творчества и труда. За то, чтобы плоды трудов не расхищались подлыми пархатыми жидами.

Отдавшись под покровительство Германии, казаки, мы знаем, за что мы воюем. За вольную, свободную жизнь в родных своих куренях! Так нам обещано — так и будет!...

С немецкой армией пойдут и наши братья — Русские. Они идут сражаться за мир родной земли.
Коммунизм умрет — Россия не умрет!

Возродится Россия — союзная Германии. Россия, как и в старые годы, верный друг Германии!

Будет победа! И с нею придет и свобода наших войск. Их вольная ни от кого независимая жизнь под покровительством Германии. Так нам обещали — так и будет!

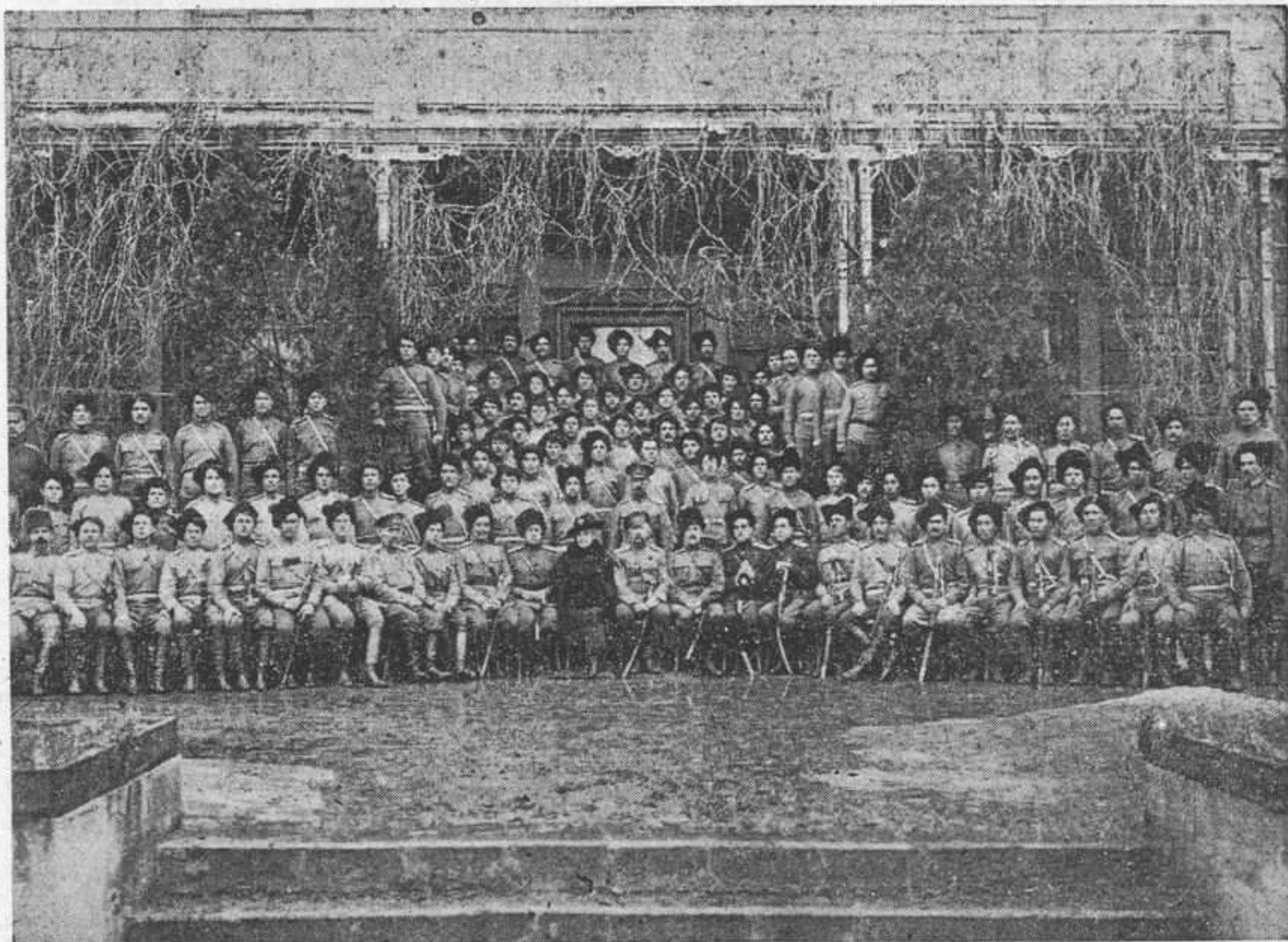
Тихий Дон! Ты слышишь меня? Вольная Кубань... Бурный Терек, что струит свои воды с серебряных гор... Волга широкая, могучая, вольная... Яик-Горыныч... Седой Иртыш... Тихая река Или... Широкое море Байкал... Просторы Амура и Уссури... Слушайте, что говорит вам старый казак!

Ей! Говорю вам!... Сквозь дым пожариц. Сквозь грохот пушечной пальбы, сквозь скрежет танковых цепей и гул самолетов грядет победа Германии. Она принесет также свободу и народам России.

С нею придет и наша казачья свобода.

Железом и кровью, как то всегда делали наши предки будем и мы ковать крепь наших вольных казачьих станиц.

Да покроет полки наши своим благодатным Покровом. Пресвятая Богородица, как покрывала и спасала она и наших предков!

Донский Атаман генерал П. Н. Краснов с супругой, среди офицеров и казаков Атаманской конвойной сотни, летом 1918 года, в Новочеркасске.

Атаманский конвой состоял из молодых казаков, из которых была в то время сформирована постоянная (или, как ее называли, «молодая») Армия. Части всех родов оружия этой армии (40.000 казаков в возрасте от 18 до 22 лет!) своим внешним видом, выучкой, дисциплиной, вооружением и боевыми качествами, с опытными кадровыми офицерами и урядниками — были гордостью восставшего против большевиков казачества. Это было чудо воскресения старой казачьей воинской славы и чести. Постоянная (молодая) Донская Армия, представители которой изображены на этом снимке, создана была творческим гением верховного вождя Донского казачества, и его избранника, Атамана П. Н. Краснова.

Исторические очерки Дона

Часть вторая

Продолжение*)

ЛШ

Земство на Дону. Военный министр Д. А. Милютин и его желание сравнять казаков с Русскими. Земские обложения, волнения по поводу них среди казаков. Комиссия 106-ти. Судебная реформа.

Отмена телесных наказаний мало коснулась казаков. Телесные наказания применялись к крепостным, к податному сословию, казак к нему не принадлежал. Если станичные суды через атамана и «подписных» стариков на станичном сходе, — кругу, — приговаривали кого-нибудь «выстегать» — казаки смотрели на это просто: — «свое дело. Семейное — никого не касаемое». Ни рваных ноздрей, ни клеймления, ни шишпуретов, ни пропускания через строй, где били палками — казаки не знали. У них была своя дисциплина без издевательства над человеком.

Земская реформа проходила туго и в конце концов не прошла. Указом 1-го января 1864 года земство была введено во всех Российских губерниях и областях, в том числе и в Войске Донском. Двенадцать лет боролось Войско против этой реформы и только в 1876 году закон о земстве был объявлен на Дону. Просуществовало земство на Дону всего шесть лет и в 1882 году, при Императоре Александре III, было отменено.

Сначала передовые казачьи круги ухватились за земство. В его выборном начале хотели они видеть возрождение самоуправления казаков. Однако, скоро убедились они, что выборное начало бьет по казакам. Проводивший новые преобразования в Донском Войске, по прежнему подчиненном военному министерству, военный министр Д. А. Милютин не желал считаться с прошлым Донских казаков и менее всего был склонен видеть в донцах исторически сложившийся особый народ со своими вековыми устоями, не желавший мешаться с русскими, с «мужиками», кого казаки считали ниже себя. Милютин ставил казаков вровень с освобожденными крестьянами. Он объединял крестьянское сословие с казаками под общим гражданским управлением, сохраняя в то же время за казаками в полном смысле всю их военную тяготу. Казаки же никогда не считали себя сословием, но военным народом — донскими казаками.

Против такого взгляда мужественно восстал Начальник Штаба Войска Донского, генерал-лейтенант Добудуков-Корсаков. В своей записке о Войске Донском он указал военному министру на три главных «начала казачества»: «повсемельное начало, замкнутость войска и выборное начало».

Казаки считали себя хозяевами своего края. Таковыми они всегда были. Положение о земстве 1875 года давало в Областном Земском Собрании казакам 127 мест; 134 места принадлежало землевладельцам и лицам торгового сословия, в значительном числе — иногородним и 40 мест сельским обществам. Распоряжение казачьей землей и ее благоустройство уходило из рук казаков и переходило к иногородним. Казаки не могли этого терпеть.

Началась борьба против земства.

Обедневший, обремененный тяжелой постоянной службой казак привык смотреть, что обслуживание его — устройство дорог, мостов, почты, школ, больниц и пр. лежит на обязанности Войска. Он ему служит — Войско его обслуживает.

Земство стало обладывать казаков земскими сборами. Казаки увидели в этом попытку обратить их в податное сословие. По станицам пошла смута. На станичных сборах открыто заявляли:

— Наша земля завоевана нашими предками, заслужена их и нашей службой Государю, на что и грамоты Царские имеются. Налогов за нее мы платить не обязаны и не будем.

Распевалась в Войске в ту пору песня с лихим припевом:

— Ктой-то, братцы, наше Войско
Губит, грабит, раздирет!...
Ктой-то, братцы, нашу землю
Податями облагает!...

Русскому правительству пришлось считаться с этими настроениями донских казаков.

*) См. № 36 «На Казачьем Посту».

16 ноября 1879 года в Новочеркасске была учреждена комиссия под председательством чужого войску генерал-майора Маслаковца для «рассмотрения вопросов практического применения в Области Войска Донского положений о земских учреждениях». В комиссии этой было три представителя земства, представители военного и гражданского управления областью, областного по крестьянским делам присутствия, донской казенной палаты, землевладельцев и частных коннозаводчиков. 17 мая комиссия закончила свои работы. Она вынесла постановление: «земские учреждения не пользуются на Дону сочувствием большинства населения. Нет основания рассчитывать на изменение к лучшему земского дела в будущем, при нынешних его условиях. Необходимо пересмотр правил о земских учреждениях и изменение их сообразно местным условиям и бытовым особенностям казачьего населения».

В ноябре 1881 года, в царствование Императора Александра III, была собрана новая комиссия из 106 членов для разрешения вопроса о земских учреждениях на Дону. По числу своих членов комиссия эта получила название «комиссии 106-ти».

В этой комиссии казаки, представители станиц, заявили, что: «существующая военная и гражданская администрация совершенно полезна, но желательно, чтобы на все гражданские должности избирать представителей от населения края. Земские учреждения неприятны казакам, потому что обложили их налогами за землю и недвижимые имущества. Если земские учреждения и впредь будут облагать казаков деньгами, казаки сочтут это нарушением их вековых прав и окажут сопротивление».

Казаки еще желали постоянного подтверждения своих исторических прав, для чего нужно, «чтоб на Войсковые круги выносились все регалии и вычитывались Высочайшие Грамоты, которые все Войско Донское свято чтит и всем сердцем своим дорожит и будет отныне и до века на рода в род хранить и благоговеть перед ними».

Представители станиц были против земства потому, что в нем голоса казаков подавлялись крестьянскими и землевладельческими голосами.

— Мы потому считаем крестьян против себя, — заявляли казаки, — что с ними у нас интересы противоположные и, сказать по правде, согласия между нами никогда не было, а главное, они очень зависят от помещиков. Военную службу несут далеко меньшую, а благ от земства имеют больше. Крестьяне арендуют войсковые земли, которые надо употребить на прирезку станицам земли. Из этого видно, что крестьяне никак не могут в земских собраниях быть на стороне наших интересов, когда таковые сталкиваются с помещичьими интересами.

24 марта 1882 года земские учреждения по воле казаков были закрыты.

Городовое положение 1870 года не было вовсе распространено на Донское Войско. В Войске в ту пору городом считался только Новочеркасск, но и он состоял из юртов нескольких станиц и лиц, имевшие в нем дома, считались лишь временными владельцами занятых ими мест, не обремененным денежным сбором. Расходы на благоустройство города производились из войсковых сумм и особого капитала.

Судебная реформа вводилась на Дону постепенно. Она не вызывала ни возражений, ни волнений. Казаки приняли ее спокойно. Они понимали, что старинное право Круга и атамана казнить: «в куль и в воду», как и более позднее самоуправство атаманов: «в Грузию на две перемены» — отжили свой век. Нужны были другие способы отправления суда и иное правосудие.

В 1873 году были введены окружные суды по уставам 1864 года в Новочеркасске и Усть-Медведицкой станице. Учреждены должности товарищей войскового прокурора. Войсковой Уголовный суд и Гражданский суд соединены в Войсковую Палату уголовного и гражданского суда.

Несколько лучше приняты были мировые суды. Свой станичный атаманский суд с «подписными стариками» был сначала более по душе казакам. Но когда появились миро-

вые судьбы из казаков, обладавшие большим умением обращаться с казаками, и это дело пошло.

Оставалась военная реформа.

LIV

Военная реформа. «Расказачивание казаков». «Казакоманы». «Устав о воинской повинности Войска Донского 1875 года». Главное управление казачьих войск. Область Войска Донского. Освобождение казачьих офицеров от обязательной службы непременно в войске. Казачьи полки входят в кавалерийские дивизии. Донской кадетский корпус. Юнкерское училище на Дону. Сотня юнкеров при Николаевском кавалерийском училище.

Военный министр Д. А. Милютин хотел: «заменить поголовную службу казаков набором «охочих» людей, любящих военное дело и казачью службу. Установить свободный доступ в казаки, и выход из казаков. Постепенно вводить личную поземельную собственность рядом с общинным владением, как орудием обеспечения всей массы служилых казаков. Разграничить военную часть от гражданской и судебную от административной и ввести имперское право в судопроизводстве и судоустройстве»...

Как ни соблазнительны были эти предположения, как ни много льгот и выгод они сулили казакам — казаки отвергли их.

Были такие круги казачьего населения, отошедшие от казачьей военной жизни, получившие образование вне войска, заразившиеся духом свободных «либеральных» Александровских реформ, с негодованием и нелюбовью смотревшие на военную службу казаков, мечтавшие о вечном мире, те, кого теперь называют «пацифистами», которые готовы были приветствовать такое «расказачивание» казаков. Но здравый смысл настоящих казаков, гордых своей воевной славой, почувал, что эти преобразования приведут к уравнению казаков с русскими и уничтожат последнюю тень славного вольного казачества. Эти люди получили неуклюжее название «казакоманов». Влияние их было велико. Казаки в низах своих в самой толще станиц, понимали, что смысл казака — его военная служба. Уничтожить, смягчить, изменить «образ служения» казака России — это посягнуть на самое существование войска и всего того, что так дорого было в нем казаку.

В 1867 году казаки не согласились с введением на Дону жеребьевой системы: — «мы не солдаты» — гордо сказали они. Они отказались и от вызова «охочих людей»: — «мы не наемники»... Они отказались и от способа отбывания воинской повинности, принятого в Уральском войске по добровольному найму одного казака другим.

— Жеребьевый способ, — заявили казаки, — образует в казачьем народе совершенно новый разряд войсковых граждан, освобожденных от военной службы за ничтожную денежную плату и, вместе с тем, пользующихся казачьими правами.

Этими же «казачьими правами» казаки весьма дорожили. Они готовы были на немалые материальные жертвы, чтобы не потерять их, чтобы иметь честь именоваться казаками.

Так началась борьба двух течений. Одни стремились во имя справедливости, во имя имущественных благ, во имя уравнения с русскими, расказачить казаков, другие — казакоманы — шли на все жертвы, чтобы сохранить казакам их первое место в рядах русской конницы, чтобы казаки оставались по прежнему на видном положении, как войско, как военная сила.

И в этом и в другом течении были казаки и не казаки. Государи русские склонялись на сторону казакоманов и где можно помогали им в сохранении казачьей самобытности. Русские чиновники и военное министерство, в стремлении все объединить и уравнять, в стремлении управлять из середины, из «центра», шли на постепенное расказачивание казаков. На самом Дону военные, офицеры и значительная часть казаков стояли за сохранение «образа служения» казаков, хотя оно и тяжело ложилось на казачье хозяйство. Гражданское население и многие образованные казаки считали, что выгоднее уйти из казачьего прошлого — военного и войной освященного.

Военная реформа проходила на Дону под влиянием этих двух течений.

При войсковом наказном атамане, графе Павле Христофоровиче Граббе, в 1863 году срок службы казака был определен вместо 25-ти лет в 15 лет полевой службы и 7 лет внутренней службы.

Одновременно с введением закона о воинской повинности во всей России, в 1875 году был издан новый устав о воинской повинности Войска Донского. Согласно с этим уста-

вом военною службою было обязано поголовно все войсковое казачье население, за исключением священников и православных псаломщиков, окончивших учение в духовных академиях, семинариях и училищах, и сельских (станичных) учителей. Денежный выкуп и замена охотниками не допускаются. Казаки отбывают службу с собственным снаряжением и на своих лошадях. Общий срок службы был определен в 20 лет. С 18 до 21 года казаки считаются в приговорительном разряде (малолетки), с 21 — 33 лет — в строевом разряде и с 33 — 38 лет — в запасе, после чего увольняются в отставку.

В приговорительном разряде казаки обучаются у себя дома по станицам и на особых сборах внутри войска.

В строевом разряде казак должен был пробыть 4 года на действительной службе (первая очередь) и 8 лет на льготе (вторая и третья очереди).

Донское Войско должно было выставлять в мирное время: лейб-гвардии Сводно-казачий полк 4-эскадронного состава из одного дивизиона Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка и одного дивизиона Лейб-Гвардии Атаманского Наследника Цесаревича полка; Лейб-Гвардии Донскую Его Высочества Наследника Цесаревича конно-артиллерийскую батарею 4-орудийного состава; 20 армейских полков шести-сотенного состава, называемых по номерам от 1 до 20; 7 армейских конно-артиллерийских батарей 6-ти орудийного состава с № 1 до 7 и железно-дорожную команду.

В военное время Донское Войско выставляло: оба гвардейских полка в 6-эскадронном составе; гвардейскую батарею в 6 орудий; 60 армейских шестисотенных полков, 21 армейскую конно-артиллерийскую батарею по 6 орудий каждая, два запасных эскадрона гвардейских полков и гвардейскую запасную батарею в 4 орудия и пехотные местные команды.

27 октября 1879 года Главное Управление Иррегулярных войск было переименовано в Главное Управление Казачьих войск. Оно стало при военном министерстве как бы его отделением — «департаментом». Во главе управления стояли чуждые казакам люди. Первым начальником его был генерал Карлгоф, потом генерал Богуславский. Чиновники управления были за редким исключением не казаки.

В 1870 году, как раз в годовщину празднования трехсотлетия пожалования грамоты царя Ивана Васильевича IV «атаманам и казакам», ради уравнения Войска Донского с другими частями Российской Империи, «Земля Войска Донского» была переименована в «Область Войска Донского», а войсковое правление в «областное правление».

Правительство уже не только втягивало в себя Донское Войско, но и стремилось во всем уравнять его с прочими губерниями.

Войсковой наказный атаман, как правило не казак, получил права командующего войсками военного округа и должен был назначать командиров донских полков и батарей. Знал ли он их?

18 января 1869 года Донские казачьи полки были подчинены начальникам кавалерийских дивизий во всех округах, кроме Варшавского, где Донские полки некоторое время еще оставались в ведении походного атамана.

Донские полки стали четвертыми полками кавалерийских дивизий. На мелких, не породных, разномастных лошадях, на своих домашнейных седлах, в своем обмундировании, тоже дома родителями построенном и не однообразном, с пиками с сосновыми, легко ломающимися древками — рядом с кирасирскими, драгунскими, уланскими и гусарскими полками, сидящими на рослых, одномастных лошадях, одетыми в блестящую форму времен Александра II — невзрачную картину они из себя представляли; больно все это было видеть казакам. Кавалерия шла нарядным галопом, казаки шли рядом «прибавленной рысью». Их называли презрительно-ласково «казачки», их употребляли на полицейскую и кордонную службу. Казаков раздавали вестовыми и ординарцами офицерам и чиновникам. Сотни шли в прикрытии к обозам и пехоте.

Как тягостно было это все тем, кто помнил славу Платовских времен, когда казаки считались лучшей кавалерией в мире!...

Казакоманы все это понимали. Они сознавали, что нужно поднять образование казачьих офицеров, создать свои школы, кадетские корпуса и училища, собрать казаков вместе, нужно помочь казаку одеться по форме, нужно поднять рост и породу казачьего коня.

Правительство продолжало работу по расказачиванию казаков. 21 апреля 1869 года Донским казачьим офицерам и чиновникам разрешено было, оставаясь в войсковом сословии, поступать на службу вне своих войск, перечисляться

в другие казачьи войска и войска исключаться из казачьего сословия. Те же права были предоставлены отставным урядникам и казакам. Женщинам — вдовам и незамужним дочерям казаков была предоставлена свобода выхода из казачьего сословия. Военный министр Милютин принялся уничтожать замкнутость казачьего народа. Под видом раскрепощения казаков — их ослабляли. Явился соблазн, и именно для более сильных и предприимчивых, уходило из войска на более выигрышную и видную службу в регулярной кавалерии. Войско Донское ослаблялось.

4 декабря 1876 года закончилось сравнение жалования офицеров и чиновников Войска с офицерами и чиновниками военного ведомства всей Империи.

В 1870 году дисциплинарный устав был распространен на казачьи части.

Строевое ученье было указано производить по общему кавалерийскому уставу, кроме 1-й части, которая была для казаков издана отдельно в 1875 году.

Казакоманы вступили в борьбу. Их целью стало доказать, что казак лучший воин, чем солдат, что нужно войскам вернуть их «образ служения», нужно собрать полки. Влиянием на атаманов, где можно было годатайствами перед Государями казаки добивались лучших условий службы.

Казачьи дети не имели места, где подготовиться к военному званью, как имели русские дети. Дети казаков-дворян посылались в кадетские корпуса в Петербург, Воронеж, Полтаву и Киев. Но не все дворяне имели на это средства. А казаки?

В 1869 году в Новочеркасске была учреждена Новочеркасское юнкерское училище, в которое принимались урядники Войска Донского в числе 114 человек в год.

В 1877 году вместо бывшего для подготовки артиллерийских офицеров класса донских урядников устраивается в Новочеркасске класс артиллерийских юнкеров.

При войсковом наказном атамане князе Святополк-Мирском (1881—1898 г.г.) в Новочеркасске открыто прекрасное военное собрание.

Тогда же число казачьих полков 1-й очереди было сокращено до 17-ти полков и 6-ти отдельных конных сотен. 9 полков вошли в состав кавалерийских дивизий, 2 состояли отдельно, 4 составили 1-ю Донскую казачью дивизию, 2 вошли Донскую бригадою в состав 2-й Казачьей Сводной дивизии. 2-я бригада этой дивизии состояла из 1-го Урупского казачьего полка Кубанского казачьего войска и 1-го Волгского казачьего полка Терского казачьего войска.

Так было положено начало собиранию казачьих полков. Дивизии эти — бывшие под начальством казачьих начальников — скоро стали выдающимися по обучению и внешнему виду.

В 1890 году было запрещено казакам по окончании службы продавать своих лошадей. Дон беднел конями и нужно было сохранять ценных строевых лошадей.

Наконец, в 1883 году, в Новочеркасске был открыт свой Донской кадетский корпус. Первым его директором был прекрасный педагог, генерал-майор Илларион Михайлович Левачев — не казак. Теперь все казаки могли получать первоначальное военное воспитание и образование.

Потребность в умелых и знающих мастерах для изготовления необходимого казаку обмундирования и снаряжения побудили атамана князя Святополк-Мирского устроить в Новочеркасске Атаманское техническое училище и военноремесленную школу. После этого были устроены военноремесленные школы в окружных станицах 1-го Донского, 2-го Донского, Донецкого, Уст-Медведицкого, Хоперского и Сальского округов.

Течение, стоявшее за расказачивание казаков, было недовольно этими мерами атамана князя Святополк-Мирского и обвиняли его в стремлении понизить образование казаков: — «Нужны нам классические гимназии», — говорили в этих кругах, — «а нам дают ремесленные школы»... Классические гимназии не замедлили своим открытием во всех окружных станицах, ремесленные же школы оправдали себя. Они дали возможность казакам дешево, однообразно и хорошо снаряжаться на службу и через несколько лет своего существования подняли мастерства на Дону на нужную высоту. Свои седельники, свои шорники, оружейники, портные и сапожники очень помогли казакам вытти из необходимости тратить деньги на стороне на приобретение всего чужого казаку.

В 1890 году в С.-Петербурге при Николаевском кавалерийском училище была собрана сотня юнкеров всех казачьих войска. Первым командиром этой сотни был войсковой старшина Дьяков, офицер Лейб-Гвардии Казачьего полка, донской казак.

Так постепенно становилось войско на путь улучшения своих полков, чтобы сравняться с полками регулярной кавалерии и не отставать от них. В самом начале этой работы Донское Войско выступило на Русско-Турецкую войну.

П. Н. Краснов.

(Продолжение следует).

Бой под Иканом

Из Уральской старины

В конце XVIII и в первой половине XIX столетия значительную часть Туркестанского военного округа занимало Кокандское ханство с главным городом Кокандом, местопребыванием кокандских ханов:

В начале XIX века кокандский хан Омар завоевал Туркестанскую область, населенную узбеками и возвел ряд укреплений на правом берегу Сыр-Дарьи, чем получил возможность влияния на киргиз русских поданных, которые недавно потеряли свою независимость и являлись еще беспокойным элементом, среди которого вспыхивали восстания. Кроме того эти укрепления препятствовали нашему дальнейшему проникновению в Среднюю Азию, что в результате привело к столкновению Коканда с Россией.

Уральские казаки вместе с Оренбургскими и Сибирскими являлись передовыми отрядами русских войска при покорении и присоединении всего Туркестана к Российской Империи. Проникая в Зауральские и Закаспийские степи уральцы совершили в своих походах немало геройских подвигов, которыми заслужили себе Войсковое Георгиевское знамя с Георгиевскими лентами.

Одним из таких многочисленных подвигов является бой под Иканом сотни уральцев под командой есаула Серова, описание которого и является содержанием одной из любимых песен уральских казаков. Бой этот произошел

4, 5 и 6 декабря 1864 года близ селения Икан по дороге из Ташкента в город Туркестан.

Кокандский хан Алимкул с 10 000 войска решил напасть на город Туркестан, занятый небольшим отрядом русских войска, состоявшим из двух с половиной рот пехоты, уральской сотни есаула Серова и нескольких орудий.

Слухи о появлении значительных кокандских сил заставили коменданта г. Туркестана выслать сотню уральцев для производства разведки. 4 декабря сотня есаула Серова (при одном единороге с 42 зарядами) выступила с мерами охранения по дороге на Чимкент. За с. Иканом было обнаружено присутствие больших неприятельских сил. Около 4 часов дня кокандцы бросились на казаков. Сотня спешилась в небольшой канаве и встретила огнем натиск противника. С криком и гиком три раза атаковали кокандцы со всех сторон окруженную сотню, но казаки выдержали все атаки и спокойно отбили врага с большими для него потерями. Отхлынули кокандцы, не ожидавшие такого сопротивления, а казаки из убитых коней, провиантных мешков построили себе завал и приготовились к упорной и страшной борьбе.

Напрасно кокандцы предлагали казакам сдаться в плен и тем сохранить себе жизнь, но верные заветам своих предков герои, хотя и видели безвыходность своего поло-

жения, отказались вести переговоры и решили умереть, как казаки. Решили дорого продать свою жизнь и не осрамить чести казачьей.

Наступает холодная ночь, бой не утихает, все время идет ружейная и артиллерийская перестрелка, потери увеличиваются. Один за другим складывают свои буйные головы казаки, один за другим выходят из строя герои.

Светает, наступает следующий день. Полчища кокандцев снова непрерывно в конном строю насаждают со всех сторон, пытаются снова и снова уничтожить эту горсточку храбрых, но все их попытки безуспешны. Падают казаки, убит офицер, много раненых... Голод и жажда растут... А в распоряжении только снег, политый кровью казачьей.

Видя безуспешность конных атак, 6 декабря кокандцы четыре раза бросались в рукопашную, но были отбиты. Казаки, не имея штыков, пиками и шашками дрались, как львы, и отбили все нападения.

К первому часу дня сотня потеряла только убитыми 37 человек, были также ранены. Все лошади перебиты, патроны подходили к концу. Есаул Серов, не видя возможности более держаться, решил пробиться в Туркестан. Началось тяжелое отступление под огнем окружавшего со всех сторон противника. Видя горсточку уходящих, отдельные группы кокандцев снова бросались в атаку и снова безуспешно — казаки отбивались и медленно, шаг за шагом, отходили. Кокандцы, в бессильной злобе, набрасывались на трупы и тяжело раненых, сдирали с них кожу, отрубали головы, которые вязали к седлам.

«Чтоб похвалиться после боя,
Как он с лежачим воевал!»

На третий день из г. Туркестана на выручку казакам выступил отряд в составе 217 человек при двух орудиях и около 4 часов дня освободил остатки сотни.

За эти три дня героической борьбы сотня потеряла одного офицера и 52 казака убитыми, оставшиеся почти все были ранены.

Казаки и иногородние

Вопрос этот не новый, но нельзя назвать его и очень старым.

В старину каждый приходивший к казакам в Запорожье или на Дон, откуда бы он родом ни был, принимался в казаки.

— В Бога веруешь? «Отче наш» знаешь? Перекрестись! — вот и готов новый казак. Но эти времена уже давно прошли и прошли навсегда, безвозвратно.

Когда появилась казачья старшина, дворянство из офицеров, появились и крепостные крестьяне. Они жили на помещичьей земле, изолированные от мест казачьих поселений, и вплоть до освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1861 году «иногороднего» вопроса не существовало.

Казаки с иногородними впервые столкнулись после реформ Императора Александра II Освободителя. Вот как об этом периоде говорится в «Исторических очерках Дона» П. Н. Краснова:

«... Отмена крепостного права. На Дону появляется около 300 000 свободных, полноправных граждан. Эти граждане требуют себе земли. 13 538 дворовым нужно найти работу и пропитание.

Освобождение крестьян разорило донских помещиков. Кто же будет обрабатывать их земли? Откуда достать рабочую силу? Казаки заняты службой и работой на своих земельных паях. Да и не в обычае казаку идти в батраки.

Помещики — одни, движимые слабостью к своим бывшим крепостным, другие потому, что некому было другому отдать свои земли, стали на выгодных условиях сдавать своим крестьянам земли в аренду, а потом и продавать их. Вчерашний крепостной «мужик»

Я и к

К тебе, наш Яик, рвутся думы мои...
Туда, где я в детстве резвился,
Где юности лучшие прожил я дни,
Где Русь я любить научился...

К тебе, лишь к тебе, моя дума летит,
И сердце казачье рвется;
И вижу я там, как ковыль шелестит,
Как беркут над зеленью вьется...

Как быстрые воды в крутых берегах
Несешь ты, на солнце сверкая,
Как братья-казаки плывут на ладьях,
Там волны твои рассекая...

К тебе, лишь к тебе, рвутся думы мои
И сердце тобою лишь бьется...

Прими-же привет мой! — пусть полный любви
К родным берегам он несется.

Уральск, 1910

А. Карпов

Есаул Серов и оставшиеся в живых казаки были награждены орденами Святого Георгия. Первая сотня 2 Уральского казачьего полка получила знаки отличия на шапках с надписью: «За бой под Иканом». Жертвы боя были похоронены в степи.

«И мар насыпали над ними,
Пусть веки вечные стоит
И громко с ветрами степными
О нашей славе говорит.

Пусть говорит, как под Иканом
Нас окружил коканец злой
И трое суток с басурманом
У нас кипел кровавый бой.»

А. Масянов

«хохол», «Ванька», на глазах у казаков, становился землевладельцем, обкладывался «землицей» и все продолжал злобно и завистливо смотреть на казака.

— Ишь ты... Помещиком живет. Земли-то!.. Земли! По тридцать десятин!

А у казака давно уже и в помине не было этих тридцати десятин. Стесненный военной службой, обязанный иметь строевого коня и снаряжение до самой старости, стировавший за свой счет на службу всех своих сыновей — казак видел, как рядом с ним бывший крепостной, — раб, иногородний, «чужак» обзаводился и обстраивался. Не зависть, но злоба накупала в душе казака.

Для облегчения положения землевладельцев дворян и крестьян были учреждены дворянские и крестьянские земельные банки. На льготных условиях там можно было получить деньги на покупку земли. Казаку ссуды не полагалось: казак не крестьянин. Он и не дворянин. Создать свои казачьи земельные банки не догадались тогдашние Войсковые наказные атаманы из русских генералов.

Вчерашние дворовые, по понятиям казаков — холопы — становились торговцами, потом купцами, приобретали участки земли в станицах и городах, строили дома, лавки, магазины, занимались промыслами, делались мельниками, прасолами, занимались промышленными предприятиями и на глазах казаков богатели. Казаки становились в зависимость от них, должны им и должны были кланяться им.

Места переменялись. Гордый своими всегдашними по-

бедами, заласканный Государем, свободный и сознавший свою свободу казак беднел, унижался; вчерашний раб богател. Все больше и больше становилось отчуждение казаков от иногородних, все сильнее зависть и злоба. Станица и хутор ненавидели слободу и поселок, те платили им тем же.

Великая реформа 1861 года, — освобождение крестьян — на Дону положило начало отчуждения казаков не от царя и России, но от Русского народа, в ком увидел казак незаконных владельцев его казачьей земли, кровью предков обильно политой. А дальше... Сама служба казаков толкала усиливаться этому отчуждению и злобе.

Константиновская станица и рядом слободы Орловка и Мартыновка. Молодежь сходилась. Были и браки между слобожанами и казачками и обратно, но камень за пазухой всегда носили. Тоже и в Нижне-Чирской и рядом в Морозовской, в Каменской и в Степано-Ефремовке и Криворожьи, везде, где близко соприкоснулись интересы казаков и бывших крепостных крестьян — русских и малороссов.

В повседневном быту, в мелочах, эта вражда проявлялась в драках и побойщах у мельницы, на хлебных ссыпках, на ярмарке, в перебранке на улицах, в судебных разбирательствах у мировых и станичных судей. Проявлялась она и в шутках, прибаутках, пословицах и в песнях. В одной из песен казаки шутливо жаловались:

Хохлушечки-раздушечки,
Проклятые ваши куркули:
Своим женам заказали
Что-б с донцами не гуляли.

«Хохлушечки», по словам этой песни, видимо, разделяли огорчение казаков:

А что это за донцы,
Что за хваты-молодцы,
А и где донцы родились,
Во какой воле росли?..

*

В условиях мирной, дореволюционной жизни конца 19-го и начала 20-го столетий, острые углы во взаимоотношениях между казаками и иногородними сглаживались имперскими законами и твердым порядком.

Когда же, в конце первой Мировой войны, в феврале 1917 года вспыхнула революция, одновременно же на казачьих землях вспыхнул и иногородний вопрос. Вспыхнув, он разгорелся ярким пламенем и не потух и до сих пор.

Крестьянский вопрос в условиях русской жизни вообще является сложным и запутанным. У нас он еще осложняется взаимоотношениями крестьян и казаков.

Были трения, недоразумения, недоброжелательные отношения в прошлом, когда крестьянство было поселено на казачьих землях. Вскрылись и углубились недружелюбные отношения во время революции, когда строительство местной жизни перешло к казакам. С другой стороны и крестьянство противопоставило себя не только помещикам, на земли которых оно претендовало, но и казачеству, считая казачество привилегированным сословием и во богатству землей и во политическому положению.

В сложном комплексе крестьянских интересов на первый план выдвигался земельный вопрос и привлечение крестьян к управлению. От разрешения земельного вопроса зависело все остальное. Как бы ни разрешались остальные вопросы, касающиеся крестьян, они на судьбе земельного дела не отражались и взаимоотношений между казаками и крестьянами не меняли.

При возникновении вооруженной гражданской борьбы крестьяне оказались не с казаками, — они их в лучшем случае не поддерживали, в худшем — оказались в стане врагов, на стороне большевиков, то как сочувствующие, то как содействующие им с оружием в руках.

Вдумываясь в эти взаимоотношения крестьян и казаков, мы наблюдаем интересное явление, проливающее свет на причины, вследствие которых казачество не могло договориться с крестьянством.

Казачество и крестьянство совершенно различно восприняли революцию. Революция вызвала в той и другой группе

населения наших краев совершенно различные настроения, устремления и задачи.

В первые же дни революции, созданной не казачьими руками, в которой казачество в целом активного участия не принимало, все революционные возможности и свободы были использованы казаками в полной мере: Казачество организовалось, создало казачью власть, управление войском, построило свою общественную станичную жизнь на традиционных началах, устранив чуждые его традициям элементы и занялось благоустройством края и своей жизни, стараясь сохранить в неприкосновенности основы своей жизни — свои станичные юрты и войсковые запасные земли.

Казачество не стремилось к тому запретному, чего у него не было. Оно охраняло то, чем издавна владело. Казачество жаждало мира, закона, порядка. Оно выдвигало на первую очередь вопрос об устроении местной жизни.

Совсем другое мироощущение переживало крестьянство. Для крестьян весь смысл государственного переворота и революции, единственное ее оправдание и прямая ее цель заключались в удовлетворении их земельных вожделений.

Во всех политических программах, прокламациях и речах, во всех проектах государственного и местного устройства, — крестьянское ухо улавливало лишь один звук — «земля». Земля — это альфа и омега их сокровенных помыслов, это первопричина и цель их революционности. Все остальное носило лишь случайный характер, было необходимым приложением, неизбежной обстановкой. Крестьянство рвалось к земле. Оно искало того, чего у него не было, что было заветной мечтой многих поколений. Революция помогала крестьянам в осуществлении их желаний.

В данное время крестьянство наших областей в значительном большинстве живет уже в том же настроении, в каком жило казачество. И союз крестьянства с казачеством будет не только естественным, — он будет взаимно полезным и даже необходимым. Он будет гарантировать неприкосновенность земельных прав и устройчивого частноправового и государственного порядка. Казачье-крестьянский союз рисуется в будущем в большом государственном масштабе, могучей социальной политической силой.

В результате анализа казачье-крестьянских отношений приходится прийти к выводу, что казачество споеется с крестьянством с того момента, когда крестьянство станет в аналогичное с казаками положение, когда ему надо будет охранять и защищать то, чем оно владеет, а не стремиться к тому запретному, чего у него нет, когда крестьянство открыто порвет с коммунистической властью и, подобно казачеству, провозгласит принцип права собственности на землю, главный стимул производительности труда.

Для решения этого «больного» и чрезвычайно трудного вопроса необходимо сначала искреннее, полное и взаимное примирение и соглашение казаков со старым (добольшевистским) иногородним и крестьянским населением, одинаково — на Дону или на Кубани, на Яике или Тереке.

Старые крестьяне и иногородние должны стать казаками.

За время большевистского владычества в казачьи области вольно или невольно хлынула новая волна горожан и крестьян из разных мест. Часть из них уже успела вернуться в свои родные села и города — новые места им не понравились. Что станет с осевшей у нас частью новых насельников — вопрос будущего. Вообще, подходя, как к этому частному вопросу, так и ко всей вообще проблеме об иногородних, необходимы: спокойствие, трезвость в суждениях, неторопливость в решениях и соблюдение элементарных основ справедливости дабы, защищая свои законные права, не творить беззаконий.

*

Казак горд своим именем и имеет право им гордиться. Гордиться не только своими именитыми предками, не только доставшемся ему по наследству казачьему званию, но и заслугами современного казачества, заслугами и подвигами этого поколения. Это чувство собственного достоинства каждому из нас приходилось наблюдать не раз в своей жизни.

В одну слободу, расположенную в районе Потемкинской станицы, возвращались после первой мировой войны солдаты, уроженцы этой слободы. Многие приходили домой с унтер-офицерскими и фельдфебельскими нашивками, у многих бле-

стели на груди Георгиевские кресты и медали. Их соседи — казаки, так объясняли это явление:

— Очень даже просто что они оказались такими боевыми. Столько годов промеж нас жили, вот и набрались нашего духу. Чего-ж им и не вернуться Егорьевскими кавалерами?!

Полны достоинства и знают себе цену и наши милые казачки. В гражданскую войну 1918 года, вахмистр одного полка за боевые отличия был произведен в первый офицерский чин — в прапорщики. Как раз в то время полк действовал недалеко от родной станицы вахмистра и туда дали знать о счастливом событии его жене. Через несколько дней, в одно прекрасное утро в расположение полка, к квартире командира подъезжает тачанка наполненная дынями, арбузами, виноградом, домашними пирогами, бурсаками и прочими чудесами казачьей гастрономии. Добрыми конями, впряженными в тачанку, правит бойкая, средних лет казачка.

— Тирру, нечистые духи! — остановила казачка своих ровнистых коней, — и обратилась к полковнику, вышедшему на крылечко:

— А где здесь его благородие прапорщик Антошкин?

— А вы кто такая будете? — с улыбкой спросил полковник. (С начала революции такое титулование офицера в войске было отменено).

— А я его барыня! — задорно и вместе с тем серьезно отрекомендовалась новая офицерша. Она сразу почувствовала себя женой офицера, барыней, и не сробела при перемене ее социального положения. И по своему вошла в свою роль.

Казаки чувствовали себя хозяевами края и наступать им на ноги, да еще у них дома, было небезопасно.

Кто же мы сами, казаки?

Сказать, что мы русские, подразумевая под этим понятием — великороссы — это будет неправильным. Кстати, и сами великороссы, являясь самой многочисленной ветвью Российского государства, — 80 миллионов, — по отношению ко всему населению его в 200 миллионов, представляют из себя меньшинство — 40% населения всей территории бывшей Российской Империи. Казачество же состоит из разнородных элементов, населяющих Россию. Оно, как бы, — особая бытовая ветвь русского народа. В этом народе есть ветви — великорусская, украинская, или как ранее называлась малороссийская, и белорусская. Есть и казачья. Все они, как и другие народы, народности и различные другие мелкие национальные группы, населяющие территорию одной шестой части суши, по своей принадлежности к одному и тому же государственному образованию, будучи гражданами одного и того же государства, постоянно проживающие в пределах его границ, — по этому признаку, в собирательном, а не в узко-национальном смысле слова, являются русскими, или, вернее сказать, Россиянами. В этом смысле и казаки, казачий народ, являются Россиянами — особой бытовой ветвью русского народа.

В подтверждение такого взгляда вспомним, хотя бы, как мы казаки, пополняли свои ряды с начала 17-го столетия.

Из Московского государства в 17 веке Донское войско пополнялось политическими эмигрантами. Сказанное в полной мере относится и к пополнению Войска, шедшему из западных русских областей.

Население, жившее к востоку от Днепра (черкасы), областей входивших в состав Польши, было ранее свободным. Процесс закрепощения здесь шел быстрее и был более острым. Польша стремилась уменьшить число реестровых казаков (черкасов) Малороссийского войска, обратив большинство на них в крепостных. Черкасы боролись за свои права против порабощения с оружием в руках. Организатором и опорой борьбы часто бывало Запорожское войско. Но восстания кончались печально и в конце концов подавлялись. Начиналась жестокая расправа.

Кроме того, по правую сторону Днепра в русских областях развитие крепостного права соединялось с религиозным угнетением и преследованием национальным в отношении языка и быта.

И здесь, когда являлась налицо действительная угроза не только благополучию, но после неудачных восстаний и физической свободе и жизни, население уходило отсюда и в Запорожье и на Дон.

И из западных областей выходцы на Дон являлись политическими эмигрантами, и, так как борьба там шла постоянно, то и уход оттуда на Дон был более или менее постоянным.

Таким образом, Дон пополнялся политической эмиграцией как из Московского государства, так и из западных областей, входивших в состав Польши. Так же пополнялось и Волжское и Терское и Яицкое войска, преимущественно политической эмиграцией из северных областей.

Сибирское казачье войско значительно пополнилось в 1813—1814 г. г. военнопленными поляками, жившими там и добровольно записавшимися в казаки Сибирского войска.

В Терском войске есть целые станицы казаков-осетин.

Целый округ Донской Области усеян станицами казаков-калмыков. В 1917 году Астраханское Калмыцкое собрание постановило о вхождении калмыков, населяющих калмыцкую степь Астраханской губернии в состав Астраханского Войска.

Достаточно взглянуть на Забайкальского казака для того, чтобы выявить какого он происхождения. И так далее, и так далее.

По недоразумению, некоторые из нас полагают, да и другие нас считают, что казаки не более и не менее как сословие. Это в корне неверно, ибо сословия были и внутри казачества: казаки-землеробы, торговые казаки (так и писалось в их личных документах, в паспортах), духовенство — духовного звания или сословия, потомственные почетные граждане, и казаки-дворяне. Если дворянин пожелал заняться торговлей, то он тем самым лишился дворянского звания и переходил в купеческое. Но при этом оставался казаком. Если купец решил стать священником, то из торгового сословия он переходил в духовное. И опять же оставался казаком. Одновременно в двух сословиях состоять нельзя.

В бессмертном романе Михаила Шолохова, «Тихий Дон», есть прелюбопытная сценка.

Дело было еще до первой мировой войны. Социал-демократ Штокман, рабочий-слесарь, прибывший на Дон для подпольной революционной работы, разговорился с окружившей его в одном хуторе толпой казаков. На вопрос одного из них — кто он такой, не из русских ли? — Штокман ответил:

— Что значит «из русских»? А казаки-то не от русских произошли?

— Брешешь! — отвечают ему. — Казаки от казков произошли!

★

В обсуждении вопроса об иногородних в казачьих областях необходимо принимать во внимание следующие важные обстоятельства. Территории 12 казачьих областей разбросаны на различных громадных пространствах в России: в Европе — 6 войск, в Сибири — 3 и на Дальнем Востоке — 3. 85% всех казаков проживает в Европейской России и 15% — в Азиатской.

Из 12 миллионов населения казачьих земель, по статистике 1912-года, казаков было 5 миллионов. Остальные — великороссы, украинцы, белоруссы, горцы, киргизы, армяне, евреи, татары и др.

Эту цифру, в 12 миллионов, показывает и советская статистика 1926 года, но при переписи населения казаки не выделялись в особую группу и записывались как русские, украинцы, калмыки и горцы.

Средняя плотность населения — 13 человек на один квадратный километр, — говорит о том, что наши области весьма слабо заселены, а это является фактором огромной важности, в положительном смысле, в разрешении главного спора между казаками и иногородними при разрешении земельного вопроса.

Указанные выше данные о населении говорят о том, что казаки на своей собственной земле, являясь основной частью жителей в казачьих областях, не составляют в нем большинства.

Если в 1912 году они составляли в среднем всего лишь 42% всего населения областей, то можно себе представить каков этот процент на самом деле к сегодняшнему дню после всего того, что произошло на наших глазах?!

Все это заставляет нас, казаков, с крайней сдержанностью и осторожностью, но, вместе с тем, и с казачьим мужеством, подходить к иногороднему вопросу и в ответ на грозившее нам со всех сторон, и не только с крайней левой стороны, расказачивание, нам надо еще теснее сплотиться и, с присущей казачеству государственной мудростью, не только отстаивать свое казачье «я», но и проводить у себя дома политику оказачивания коренного неказачьего населения, приобщая его

к нашему рыцарскому ордену, к нашей особой бытовой ветви русского народа.

Эту политику надо проводить всеми многогранными и многочисленными мерами без злобы, ненависти и кровопролития, постепенно, обдуманно и не спеша — с холодной головой и с горячим сердцем.

Вплотную, к реальному и окончательному разрешению вопроса «Казачество и иногородние» мы подойдем только на родной земле, ибо все мы, в данное время пребывающие за границей, лишь малый осколок всего Казачества.

На эту тему так говорится в передовой статье нашего журнала «На Казачьем Посту» в номере от 15 июля 1943 года:

... «В настоящее время обсуждение будущего устройства казачьих земель и предстоящей работы, которая ожидает нас дома, в известных условиях и в известных рамках, — не только неизбежно, но и необходимо. Не беда, если при этом будут высказываться различные мнения — из обмена мнений может выковаться стройная, единая мысль, ибо всеми нами двигает горячая любовь к родным краям и искреннее стремление принести им все свои силы, разум и сердце, и самую жизнь.

Но и теперь есть много вопросов, подлежащих бы упорядочению нашим возглавлением. К таким вопросам следует отнести вопрос о приеме в казачьи части не казаков. Вопрос чрезвычайно сложный и деликатный. С одной стороны необходимо избегать отталкивать от себя людей, по своим моральным и боевым качествам, достойных и заслуживающих быть принятыми в казачьи части, но вместе с тем надо остерегаться роковых ошибок, имевших уже место, при приеме в наши ряды нежелательных элементов.

Прием в наши ряды неказаков необходимо ввести в известное русло, под контролем и при тщательной проверке возглавления, единого возглавления новых казачьих частей. Вопрос же о присвоении новопривышшим казачьего звания, лучше отложить до возвращения в родные станицы, так как впоследствии может получиться конфуз, и для выборщиков и для избранного в казаки».

В том же журнале, в номере от 1 мая 1944 года, в «Беседе старого казака с молодыми» мы найдем предостережения при рассмотрении этого деликатного вопроса:

... «Брать чужаков, неверов, не знающих или лишь наружно подметивших наши обычаи!?... Плясать «казачка», или «лезгинку», лихо пить самогон или ракию, петь частушки, или сентиментальную «Катюшу», довка носить черкеску и башлык и заламывать шапку-кубанку на бок — это не значит стать казаком...»

«Старый Казак», конечно, не прогив того, чтобы брать в казаки, но брать будем тех, кто

«запечатлел свою годность быть казаком, кто с нами кровью спаялся. Кто с нами... искренней верою в Бога, храбростью и безупречным поведением во время войны, не запятанным пьянством, грабежами, насилем над жителями и, особенно, над женщинами... Кто никогда не нарушил своей присяги, кто не был НКВД-истом, коммунистом, кто свято и люто ненавидит большевиков и никогда с ними не примирится...»

★

В новых казачьих частях есть и казаки и не-казаки. Последние состоят из тех, кто и раньше с нами жил в казачьих краях и из тех, кто вступил в наши ряды, ранее нас не зная и ранее с нами не живши.

Как те, так и другие, состоящие в одних с казаками сотнях, ротах, эскадронах, батареях и командах, вместе с казаками и в их рядах дерущиеся за одно и то же дело против одних и тех же врагов — эти не-казаки, носящие форму тех полков, в которых служат, сражаются и, если приходится, то и проливают свою кровь, отдавая здоровье и самую жизнь, — они являются полноправными членами своей воинской семьи. В военном быту — на ученьи или на отдыхе, на фронте или в тылу, они несут те же обязанности и тяготы службы, обладая вместе с тем теми же правами, что и их сослуживцы-казаки, по должности, званию или чину.

Иначе не может быть и не должно быть в военной семье, где нет черной и белой кости, ни голубой крови.

Есть старшие и младшие. Начальники и подчиненные. Военная иерархия.

Есть и единая для всех цель настоящей борьбы: победа над большевизмом и возвращение на освобожденную родину, на землю отцов, в вскормившие и вспоившие нас родные края.

Если ныне в рядах казачьих полков тамбовский крестьянин, или белорусс из Пинска, украинец из Волыни своим участием в борьбе помогает казакам в достижении их заветной мечты вновь увидеть свои родные курени, то и казаки, принявшие их в свои ряды, также содействуют своим братьям по оружию к возврату к свободной жизни и к уничтожению ненавистных колхозов на плодородной Украине, на полях Белоруссии и на необозримых пространствах других областей нашего отечества.

Потом, дома, после победы, спаянные общей пролитой кровью, мы сумеем организовать новую жизнь, найдем общий язык и займемся строительством наших краев на началах торжества правды, справедливости и завоеванных нами и предками нашими исторических прав.

В обозе

Стар ты стал! Но еще повоюешь:

Для отечества нет стариков.

Как прекрасно ты нам повествуешь

О великих делах казаков.

В первой казачьей

Очерк второй

У Кононовцев.

Мы едем среди двух стен кукурузы, с каждым километром все дальше и дальше углубляясь в гущу партизан. Горы, поросшие сплошным лесным массивом, приблизились. Они совсем недалеко. Здесь самые партизанские места. Я смотрю на эти загадочные горы и воображение мое рисует партизанские бригады, штаб Тито, их становища в горах с палатками, кострами. Здесь уже рекомендуется быть на-чеку: Кононовский полк стоит всегда в таких местах, где партизаны бок-о-бок...

Наш немецкий Опфель легко пожирает пространство. Над машиной густым, рыжим облаком поднимается пыль. Балканская пыль, какая-то особая пыль. От нее не спасешься, что бы ты ни делал. Она проникает всюду, даже сквозь плотно закрытые стекла машины. Она тонка и нежна, как пудра высшего качества. Кажется тончайшие атомы земли поднялись и крутятся в вихревом движении воздуха.

Грабарье.

Шофер-немец искусно управляет машиной на бесконечных поворотах. Поднимаемся в горку. На повороте — хорватский костел. Все хорваты — католики. В холодке — за оградой костела — казаки... Приветствуют нас. Сразу повеяло родным, своим... Казачьим... Вон по улице тоже казаки, кони...

Здесь в этом небольшом селе жизнь кипит во всю... Грабарье прячется в зарослях садов, кукурузы, виноградников. Местность изрезана балками, небольшими возвышенностями, поросшими густыми кустарниками.

На улице пыль, взбитая сотнями копыт лошадей, лежит еще более толстым слоем, чем на проселочной дороге. Пыль на стенах белых домов, на ставнях, на крышах — пыль всюду.

Штаб полка. Большой хорватский дом из мелкого кирпича-сырца, даже не покрытого глиной. Множество телефонных проводов, вот единственное, что отличает его от других домов.

Вылезаю из машины, забираю свой рюкзак. Отряхиваюсь, поднимая густое облако пыли.

Прохожу в штаб. Ни командира полка, ни начальника штаба — обеденный перерыв — только дежурные казаки. Иду к командиру полка — во двор — напротив.

Полковник Кононов.

У ворот казак с автоматом. Адъютант докладывает о моем приезде и просит пройти во двор.

Под навесом, сделанным руками казаков, сидит полковник Кононов без рубашки, подобно запорожцу. Представляюсь и говорю о цели приезда: доходит-ли казачья литература до казаков; журнал «На Казачьем Посту», газета «Казачья лава», брошюры издания «Казачьей библиотеки» и т. д. На что получаю утвердительный ответ. Впоследствии я и сам убеждаюсь в этом.

Рассказываю берлинские новости, полковник делится новостями по своему полку, по дивизии.

На меня смотрят внимательно несколько выпуклые, серые глаза. В них чувствуется задор, скрытая энергия, напор, столь необходимый командиру. На взгляд полковнику Кононову 43 года. Небольшого роста — он хорошо сложен.

В полку офицеры и казаки зовут его «батшкой», и это происходит не по заданию, не потому, что это так правится самому командиру, а исходит это от людей, которые уверены в нем, как в командире, и расположены к нему, как к человеку.

Если полк участвует в операции, то первый вопрос, который задают казаки: «А батшка с нами?» Здесь... сам командует... «Ну тогда все в порядке...» И уже идут спокойно, уверенно.

Полковник Кононов Иван Никитич родился 2 апреля 1900 года в станице Новониколаевской, Таганрогского округа. Дед

Кононова был полковник. Командовал на Дальнем Востоке, перед Японской войной, Сводно-казачьей бригадой.

Отец — храбрец, удалой человек, бесшабашная натура. Имел все степени Георгия — кресты и медали. Доходил до чина сотника. Из-за бесконечных приключений несколько раз разжаловывался и умер вахмистром. С такими людьми Степан Разин гулял по Волге, «Москвой тряс»; Ермак Тимофе-

На полковом смотре

Слева направо: ген. фон Паинвиц, полк. Кононов, ген. Краснов

евич завоевывал Сибирь. Подобные люди созданы не для мирной жизни, а для войны, удачных, лихих набегов, канувших в вечность.

Отец до самозабвения любил военную службу, но дому уделял мало внимания. Как это часто водится у казаков, все хозяйство и дом держались на матери — умной, энергичной казачке.

Иногда дедушка, выйдя из себя, брал плетку и начинал учить отца, но это действовало не надолго. На месяц умолкал, а потом опять начинала играть кровь молодецкая...

Брат Егор помер от тяжелых ран в Мировую войну 1914 года. Брата Николая арестовали большевики в 1938 году, так и пропал где-то в недрах НКВД. 1923-26 гг. окончил Военное кавалерийское училище имени ВЦИК-а. 1934-38 гг. — окончил Военную Академию им. Фрунзе. Мать хотела пустить сына по гражданской линии, но тут сказало, как видно, стародавнее казачье тяготение к военной службе. Сын пошел по старой протоптанной военной дороге.

Штаб 2-го конного корпуса в Шепетовке. Начальник 1-ой оперативной части. Но работать пришлось недолго — вызвал сам Зам. Наркома Обороны Щаденко. «Приказом Наркома вы назначаетесь командиром 436-го пехотного полка». Это уже было рангом ниже. Причина крылась, повидимому, в аресте старшего брата, Николая органами НКВД. Ведь в СССР обычно вся семья отвечала за своего родственника, даже и отдаленного. Хоть одно время сам «отец народов» заявил: «Сын за отца не отвечает». Но на словах было одно, на деле — другое.

Подоспела Финская война. Ноябрь, декабрь 40 г. — январь, февраль, половина марта 41 г. Кононов с 436-м полком проводит на финском фронте.

Сугробы по пояс, дремучие, хвойные леса, на каждом шагу мины и финские снайперы, упорное сопротивление на Карельском перешейке... В 436-ом полку разболтанность, недисциплинированность. Полк несет потери. Майор Кононов прислушивается к разговорам красноармейцев. Настроение против Советской власти.

Решает привести полк в порядок. Доверия со стороны Со-

С праздником!

ветской власти нет, значит надо искать опору среди красноармейцев и командиров. В течение первых 2-х месяцев Кононов знает рядовой состав и командиров. Знает тайное настроение не в пользу Советской власти и решает, что таких полков в Красной армии много. В одну из минут раздумий майор Кононов решает изучить и подготовить свой полк так, чтобы иметь возможность и твердую уверенность, когда пробьет решительный час, выступить против ненавистного советского режима.

Еще в Академии, изучая экономическую и политическую структуру Германии, сделал твердое заключение: война между СССР и Германией неизбежна, как между двумя непримиримыми противниками.

Начиналась опасная игра. Надо было завоевать симпатии полка и не навлечь подозрения комиссара, который следил за каждым шагом командира.

22 июня 1941 года вспыхнула война. Неподготовленность Красной армии, скрытый протест народа против ненавистного режима, обнаружился с первых дней войны. Здоровые, кадровые ребята — краса и цвет армии — стали полками переходить на сторону немцев. Это была пощечина Сталину и всей его клике. Своим добровольным переходом на сторону немцев народ протестовал против Советской власти.

Красноармейцы и командиры не желали воевать за Сталина. Комиссары и политруки растерялись. Это увидел и понял майор Кононов и решил действовать.

До 22 августа 1942 года полк отходил на восток. Сам Кононов мог давно и легко перейти к немцам, но ему не хотелось бросать своих бойцов, с которыми он так успел сжиться. В полк он был уверен, но надо было опасаться «сексотов»-провокаторов, которые были в каждой мелкой части, не говоря уже про полк.

22 августа 1941 года, примерно 300 км. южнее Смоленска, 436-ой полк майора Коконова занял круговую оборону. Соседних частей не было. Немцы были в 11 километрах. В 11.00 Кононов вызвал своего любимого командира минометной роты Н. Дальше между ними произошел такой разговор:

— Мой родной, ты меня любишь?

— Да...

— Пойдешь со мной туда, куда я поведу?

— Да...

Наступил критический момент, когда надо было открыть карты.

— Советской власти я никогда не любил, да и вы ее не любите. Наступило время за все беды народа отплатить Сталину. Я решил уйти с полком к немцам и вместе с вами освободить нашу многострадальную Родину от палача Сталина. Вот вам записка. Идите к немцам в штаб и от моего имени передайте: я командир 436-го полка, майор Кононов, хочу перейти на сторону немцев и воевать с ними против Советов... Идите... Идите, не теряя времени...

Он ушел.

Кононов вызвал всех офицеров и сказал им:

— Мои дорогие, боевые друзья! Я знаю ваши мысли: вы не хотите воевать за Сталина так же, как и я и сотни, миллионы других; война нужна большевикам и жидовству в

Полковые песенники

интересах их мировой революции. Я решил вместе с вами, с полком перейти на сторону немцев и воевать за возрождение нашей Родины. Немцы мне на это уже дали согласие...

Хоть посланный командир к ним и не вернулся, но нельзя было терять ни минуты времени.

— Кто со мной — встаньте... — Все поднялись и заявили: — Куда ты — туда и мы...

Комиссар на этом совещании не присутствовал — он бесследно исчез еще раньше. Отдельные политруки присутствовали, но поднялись вместе с остальными. Рядом с Кононовым сидел Уполномоченный Особого отдела безопасности НКВД Костенко. Он поднялся и спросил: «А мне что же делать?» Кононов успокоил его, сказав, что он пройдет, как интендант. — А теперь, товарищи, всем сдать оружие...

Около 70-ти командиров полка встали в затылок и начали отдавать пистолеты.

Кононов брал, разряжал и отбрасывал оружие в кучу.

После этого всем командирам было приказано идти к своим ротам, батальонам и передать, чтобы все бойцы готовились к сдаче оружия: немецкие войска стоят неподалеку. «Ни одного выстрела в сторону немцев. Оружие положить в 2-3 шагах от окопов, всем бойцам сесть в окопы и ожидать прихода немцев, для приема всего полка».

Все ушли. С Кононовым остались 10 человек. В том числе и уполномоченный НКВД Костенко. Наступило тяжелое ожидание. Игра велась крупная и опасная. Сколько уже людей сложило свои головы на такой игре.

Все были без оружия. Остался пистолет у одного Коконова. Через 10 минут вернулся командир минометной роты и сказал Кононову:

— Вас на опушке леса ожидают немецкие офицеры.

Когда Кононов подошел со своими командирами, от опушки леса к ним направилась группа немецких офицеров. На опушке стояли три грузовых машины и одна легковая. Около машин толпились немецкие солдаты.

Обе группы сошлись, поздоровались. Немецкая группа состояла из 3-х капитанов, 2-х лейтенантов и одного переводчика, который столь же плохо говорил по русски, как и по немецки. Но все же немцы поняли: майор Кононов переходит с полком на их сторону совершенно добровольно.

Немцы стали жать руки всем присутствующим русским командирам. Сейчас же подали машины и все отправились в штаб Танковой дивизии. Какая это была дивизия? — Немцы об этом не сказали.

Генерал, командир дивизии, сказал Кононову:

— Ваш полк перешел хорошо. Все в порядке...

После этого майор Кононов попадает в Штаб фронта — в Смоленск. Его направляют в город Борисов — нечто вроде санатория для офицеров. Сдача полка потребовала большого нервного напряжения.

(Продолжение следует)

А. Яганов.

Мы куем кадры

Продолжение*)

Стоял тихий солнечный день. Приближался вечер. Большая работа была проделана юными казаками: вновь было выстроено шоссе на протяжении всего лагеря, из молодых ветвей березы и береста сплели беседку, белым песком усыпали кругом палаток; с утра часть казаков ловила рыбу, другие тренировали лошадей, джигитовали, купались, занятый в этот день не был. Одним словом, пришлось еще раз просмотреть все, что не было закончено вчера, сделать лучше и красивее... Второй эскадрон выносил из леса сухие палки, складывая их для костра. Работы приближались к концу. Седьмой день казаки, краснощекие и звонкоголосые, резвые и остроглазые жили в лагере, в лесу, у озера, в то время, как их братья и отцы сражались в жестокой схватке с врагом...

— Эскадроны-ы... стронться! — подает команду дежурный по школе.

— Стронться в трусах?..

— Надеть брюки, с винтовками.

— Отставить!

— Надеть парадную форму! — раздается резкий голос лейтенанта Мукасева.

Проходит несколько минут... Второй эскадрон выстроен.

— Два шага вперед! — Лукутцов, четырнадцатилетний терец, краснеет, неуверенно шагает, выходит из строя. Осмотрел его с ног до головы урядник, приказал:

— Марш в палатку, парадную форму... Очерет был строгим и несговорчивым урядником. Сказано, как отрублено.

— Я ее в городе... забыны... — оправдываясь, отвечал Лукутцов.

— Ничего не знаю... Ишь ты, брюки какие... грязные, в строй становится. Вон отсюда, что б я не видел!

Строилась вся школа. С минуты на минуту ожидали командира полка. Лукутцов остался в палатке. Развалившись на сухом настиле белой соломы, он, болтая ногами, смеется. Скучно стало, запел песню:

Прощайте, поля и с лугами,

Прощайте, друзья вы мои,

Я иду на расправу с жидами,

Расправляюсь за муки свои...

Лукутцов хорошо пел, но еще лучше танцевал. Музыка пленяла его.

Подполковника я заметил, когда он уже поздоровался с юными казаками и шел в беседку, где на тарелках была разложена жареная фарель, жирная и вкусная, пойманная юными казаками-рыбаками. Зажгли костер. В первое время я не обратил внимания на это прекрасное зрелище на фоне неба, когда заходит солнце, рдеет вечерняя заря, в золотые цвета разукрашены барашковые белые облака, когда солнце еще не село совсем, но так низко опустилось к горизонту и на мгновение задержалось. Трещат сухие дрова, вместе с редким дымом тысячи разноцветных огней летят вверх. На лету они потухают, пепел садится на листья зеленых густых деревьев. Лукутцов перестал петь и стал выглядывать из палатки. Я только вернулся с рыбной ловли и присел отдохнуть. Заиграл оркестр. Я уж совсем собрался итти, но не мог не задержаться, глядя на заход солнца. Как прекрасны июльские дни. После четы-

рехдневного бесперестанного дождя небо прояснилось, земля просохла, колышет теплый нежный ветерок и словно эфиром, раствором пахучих духов, обдает он ваши члены. Чирикают лесные птички, тихо поет степной жаворонок, фыркают лошади и, точно вторя этому звуку, раздаются тысячи голосов озерных и лесных жаб. И снова воркуют птички, наполняя лес тысячью голосов. Все это сливается в один глухой гул, говор леса и тихое лепетанье горного ручья.

Слушая оркестр и возгласы сотен юных казаков, я погрузился в воспоминания о далекой родной родине. Сколько жизней погибло за тебя, за тихий и привольный, мой Дон родной! Сколько песен о тебе сложили деды и отцы наши, сколько жизней стоила эта привольная жизнь казачья? Кто не любит донские степи ковыльные, зеленые луга сенокосные, озера рыбные, курени казачьи деревянные, четырехугольные, тесом крытые... Люблю тебя, мой Дон родной! Твои поля зеленые, колосистые, твои степи — простор морской, твои каналы — балки глубокие, терном обросшие. Не забыть речей задумчивых, твоих детей — казаков лихих. Сколько силы хранишь ты: реки глубокие — вены твои, родники холодные — кровь твоя... Не иссохнуть венам твоим, не перестать биться родникам глубоким. Плавно течешь в крутых ярах, золотой песок — косы песчаные, омываешь ты леса белужие. Слезы твои — зерна жемчужные, плачешь — из земель чужих казаков зовешь, лихих воинов, бесстрашных рыцарей. Со старился, опечалился, мой Дон родной, позорят тебя, надругиваются люди пришлые, чужестранные, жида поганые, правители кровожадные. Ворчишь ты на них, злобой скрытою, ожидая разлива широкого... Простор волны белокрылой успокоит тебя водой полою, холодною; на врага пойдешь весной раннею. Перекликаешься с сыном избранным, Богом посланным, с атаманом детей, по крови твоих, — полководцем лихим фон-Панвицем... Ожидаете вы гостей дорогих, полковничков — детей родных со станиц донских. Рвутся к тебе лихие наезднички... Придут они зарей раннею, туманною, к ногам твоим поклонятся, мой Дон родной!..

С треском и шумом разгорался костер, сложенный из высоких сосновых сухих жердей. Я поднялся и пошел к костру. Мысли о далекой родине не покидали меня. Душа моя пылает жгучим огнем ненависти к врагу русского народа — большевизму. Оркестр заиграл лезгинку. По плацу плавно ходил Лукутцов. Он то вдруг рванется по кругу, то замедлит темп, в такт музыки выбивая ногами, и медленно отступает назад; то снова плавно пойдет широко расставив руки. Я подошел и посмотрел на него. Он был в том же грязном и рваном костюме, который нельзя было считать за белый, хотя он был шит из белого материала. Казаки помогали, выкрикивая:

Ой-ля, ой-ля, ой-ля,

Ой-ля, ой-ля, ой-ля,

Раздавались сотни ударов в ладони. Пошел Лукутцов последнее колесо и сразу, подняв голову, остановился. Подполковник, высокий и стройный, улыбаясь радостной улыбкой отца, долго не видевшего своих детей, подошел к нему, поблагодарил, потом потрепал за светлые пряди волос... Оторвал взгляд от юного казака, взмахивая руками, выкрикнул: «Ура!» Как мяч, Лукутцов подымается в воздух, болтая руками и ногами,

*) См. № 35 «На Каз. Посту».

Учебная стрельба из автомата

смеется. Кто-то из командиров пожал вторично ему руку и снова высоко подкинули малыша. Казалось, никто не обращал внимания на его костюм со следами рыбьей кожиры, зеленых пятен — следов борьбы на сочной траве. Когда он вышел из своей палатки, как его пропустили на середину круга — никто не знает. Видно музыка во всем виновата: не мог выдержать одиночества юный казак, в рваных брюках не побоялся станцевать своему командиру. Эскадроны распустили. Приближался отбой. Обуглившиеся сухие палки все еще горели. Весь воспитательский персонал построили на том месте, где несколько минут назад стояли юные казаки. Oberлейтенант Минш докладывает. Подполковник Штабенков был, как и всегда строгим и в то же время ласковым. С бледным лицом, широкими плечами, он казался мне выше, чем был ранее (семь месяцев я не был в этом полку). Подполковник совсем близко подошел к нам. Вот он радостно улыбается и совсем просто говорит:

— Вот так всегда... — Подполковник откашлялся... Посмотрел пристально на всех нас, продолжал:

— Говорят о казачьей школе, отмечают ее достижения, в газеты пишут статьи о лучших джигитах из числа юных казаков, упоминают кем и по чьей инициативе была организована такая большая школа, насчитывающая более, чем пол тысячи молодых казаков. Школа, в которой работают русские учителя, старейшие атаманы, свои казачьи офицеры. Вот не секрет, что в мае месяце переданная сотня юных казаков в учебное отделение полка — лучшая сотня по боевой выучке во всем полку... Это будут примерные офицеры, в будущем они будут цементом, гранитным островом казачьих боевых частей. Мы восхищаемся мастерскими школы, которые были организованы только благодаря желанию, инициативе. Средств на это не было отпущено. Мы отмечаем лучших резчиков, художников по дарованию, как Ясько и Стрелецкий. Нельзя не восхищаться их творчеством. Лучшие образцы их работы отсылаем на выставку, как экспонат самодеятельности нашей дивизии, а Ясько и Стрелецкого постараюсь послать в спецшколу. За счет школы юных казаков пополнили наш казачий хор подростками в 12-17 лет — лучшими посенниками, мастерами казачьих танцев. Кто не знает акробата и песенника Левищенко, а ему всего 12 лет. Кто не восхищался танцами Кожухаря Сергея.

Кто не слушал школьный оркестр. Подполковник немного помолчал и более оживленно заговорил:

— Многого можно отметить... Когда пришли учителя в эту школу, не было ни одной книги, не было канцелярских принадлежностей... Теперь мы имеем лучшую библиотеку в несколько тысяч книг. Все это трудами, заботой людей, командирами и воспитателями этой школы сделано. А вот про них то мы часто забываем... Вот так и всегда... — Подполковник снова посмотрел на нас, выстроенных перед ним в три шеренги... Снова заговорил, показывая рукой:

— Вот Вы — вахмистра, унтер-офицеры и учителя, руководители различных кружков, мастерских и являетесь теми людьми, кого иногда забывают. Я искренно, от-всей души благодарю Вас за Ваши труды, за Вашу службу...

Он показал на ящик.

— Вот, это я вам привез, подарок... Подполковник зашел в беседку... Вахмистра, унтер-офицеры, учителя и старые казаки усаживались за столы. Терский атаман Гримм (это его прозвище) оделял всех папиросами, на стол ставили кружки, бутылки с водкой... Вечер в полном разгаре.

Подполковник собрался уезжать.

Хлопнул газок, легковая машина тронулась. Подполковник все еще машет рукой... Змейкой дорога извивается между густыми зарослями, уходя на северо-восток... Машина теряется из виду... Вот по обе стороны деревья нагибаются на дорогу, образуя туннель. Черным пятном он вырисовывается вдаль.

Разговор за столом возобновился с новой силой, потом затанули песню:

Нежней поцелуй, дорогая,
Поддай вороного коня...

Холодные сумерки ночи опускались на землю. Ночь была темная, безлунная. Лейтенант Мукасеев с израненными голенями направился в свою палатку. Я еще оставался у теплящихся огоньков перегоревшего костра. На стол поставили бочонок пива. Ночь вступала в свои права. Колыхал слабый ветер, беспрестанно журчал ручей, нежно шептался лес, рябило синюю поверхность озера. На чистом, дождем обмытом, небе ярче загорались звезды. Млечный путь опоясывал высокий с множеством жемчугов небесный свод.

В. Никонов.

О л я

Повесть

... — О, нет! Вы лучше об этом не повторяйте, господин староста, а то прямо таки досадно делается. Вы просто не хотите понять меня. Вот вы утверждаете, что мол и здесь такие же обширные колосистые поля и людей, мол, здесь много наших, но все же это далеко не то и не такие здесь просторы, как на нашей родимой Кубани и никакой в мире край никогда не заменит просторов наших любимых станиц!...

С горечью в душе говорил Федор Баклан, ехавший верхом на лошади рядом со старостой одного из сел Западной Белоруссии. Рядом с ним ехали еще три молодых кубанца.

Староста с Бакланом не соглашался. Он все время ему противоречил, и когда тот замолчал, сказал:

— А мне кажется и здесь не так уж плохо.

— Кажется, кажется, — перебил его Баклан, — там на всей земле, заселенной бывшими запорожцами, раскинулась безлесная равнина, а тут вокруг леса, в которых и до сих пор рыщут, как дикие звери, партизаны, наводя ужас на мирное население. И вот сейчас это июньское солнце освещает опустевшие станицы Кубани, покинутые свободолюбивым народом, и разбросанным теперь по всему свету, а когда-то, потоком живых цветов шумели улицы наших станиц...

Он на минуту замолчал, потом опять продолжал:

— Эх... иногда такая тоска находит, что не знаешь куда деваться и я в этот момент ненавижу и презираю весь мир, в том числе и себя. В другие минуты уже начинаешь любить и жалеть всех людей, начинаешь верить и надеяться на счастливый исход казачьей судьбы. Быть может еще удастся пройти эти тысячекilометровые пространства, отделяющие сейчас нас от родимых мест, вернуться в отчий дом и как святыню целовать родную землю, ту обгащенную казачьей кровью землю, на которой я родился, вырос и научился любить свою родину.

— Почему же вы, говорите, целовать свою землю, а не родителей или братьев, детей и близких? — с удивлением спросил его староста.

— Это потому я так выразился, что там из моих родных теперь нет никого в живых и в этом я твердо убежден, — с грустью отвечал Баклан. — В последние годы, в которые я волей рока оставил свою станицу, все мои родные беззловещно погибли, я это чувствую. Теперь в этом чужом для меня краю, я странствую как неприкаянный, совершенно одинок, стараюсь жить, а зачем, для кого и сам не знаю.

— А разве в управлении Дона-Кубань-Терского казачества, где вы сейчас работаете, разве вы там не встречали никого из своих земляков? — спросил его белорусс.

— Нет! Кубанцев много встречал, но близких мне, из родственников и знакомых, — никого. Работая там, я хочу внести и свою лепту на пользу людей и как приятно бывает, когда удается сделать что-то доброе для своих казаков. Эх, родимая сторонка, не видать мне тебя никогда...

Баклан вздохнул и замолчал.

Федор Баклан, средних лет кубанский казак, одет был в полуштатскую одежду и ехал сейчас из района расположения казачьей станицы, организованной в западной Белоруссии, к вокзалу железной дороги, направляясь обратно к месту своей службы. Его согласились проводить три молодых казака-кубанца, чтобы затем взять у своего земляка предоставленного ему коня и вернуться в свою часть. Староста ехал с ними просто как попутчик.

После некоторого молчания староста спросил у Баклана:

— А вы, разве давно расстались со своей Кубанью?

— Я? С 1938 года! — многозначительно отвечал Баклан.

— Вот что! А почему так давно?

— О-о, это длинная история рассказывать, да и не нужно, — с неохотой отвечал Баклан, но затем все же решился кое-что сказать: — в общем это было так: в начале я уехал из станицы добровольно, из за семейных недоразумений, думал не надолго и даже не попрощался с родными, надеясь скоро вернуться, но получилось так, что расстался с ними я навсегда. Ведь в советскую эпоху, в ее системе, редко исполня-

ется желание и никогда не бывает так, как хочешь. Вскоре после выезда из станицы, меня оформили «контрреволюционером», осудили, доставили на Север и я очутился на тяжелой каторге, в лагере на реке Ухта.

Через год после начала войны, меня, как и многих подобных мне, мобилизовали и послали на фронт защищать «пролетарское отечество». Ну, я им навоевал! Вы об этом уже знаете. Но одному факту я до сих пор удивляюсь: каким образом я остался жив и даже невредим? А этому стоит удивляться! Когда было наступление советских войск на Сивявино, то из всего 2 батальона 559 полка, в котором я тогда находился, остались в живых только я, да два раненых красноармейца. Все остальные остались навсегда лежать в Ленинградских болотах, будучи, как снопы скошены пулеметным и минометным огнем. Меня тогда, вероятно, тоже записали убитым, так как сразу же после того боя я оказался на этой стороне и только поэтому еще до сего дня вижу белым светом...

Поравнялись с селом Лесничьи и все, прекратив разговоры, молча разглядывали улицы и постройки крестьян.

В одном дворе, стоявшем на окраине села, вблизи дороги, по которой ехали кубанцы, босоногая молодая девушка брала из колодца воду и при этом нечаянно звякнула ведром. При этом слабом звуке, Баклан вдруг сильно вздрогнул, как в страшном испуге, заволновался и поспешно оглянулся. Все чрезвычайно удивились его волнению. Человек, не один раз спокойно смотревший в глаза смерти, вдруг так вздрогнул и даже побледнел от случайного легкого стука.

— Что с вами? — спросил его староста.

— А я... сам не знаю, что со мною делается. При этом звуке удара ведра о сруб колодца, у меня что-то кольнуло под боком и мурашки по спине пошли, — с волнением отвечал Баклан, и обернувшись к старосте спросил его: — чей это двор и кто такая эта, так испугавшая меня, девушка?

— Дом это одного эмигранта, как будто бы казака, который уже лет двадцать здесь живет, а девушка эта, кажется, недавно прибывшая к нему работница. А у вас есть родственники или знакомые эмигранты? — спросил староста.

— Нет и не было никогда, отвечал Баклан, и сам не зная зачем остановил коня. — Может отдохнем немножко и коней попоим! — Как-то неуверенно предложил он своим спутникам.

— А разве мы устали, да ведь и до станицы уже недалеко. Лучше давайте ехать! — отказываясь принять это предложение отвечали и староста и казаки.

Баклан больше ничего не говоря, молча отделился и рысцой поехал по той улице, где несколько минут тому назад во дворе он видел девушку. Он пристально всматривался в сторону колодца, но там уже не видно было никого. Спутники его тоже остановились на дороге и в недоумении ждали возвращения сопровождаемого ими земляка, подозревая в нем нехорошие мысли на девичьем фронте. Баклан возвратился угрюмым, зло смеясь и ругая себя и свои глупые предположения, но какими были эти предположения, он даже сказал.

Когда поехали, он все время продолжал оглядываться назад до тех пор, пока село Лесничьи не скрылось из виду, затем глубоко вздохнув пронес:

— Вот сейчас у меня на душе точно такое же ощущение, как тогда, когда я простившись с домом, последний раз видел родную станицу. А почему так, не знаю, даже плакать хочется, — и он грустно помяк головою.

Через несколько минут, встряхнув головою и приняв прежний вид, он обратился к ехавшим с ним кубанцам:

— Ну, как хлопцы, может споем про свою Кубань?

— Давайте, споем! — согласились те, видя переживания своего земляка и стараясь отвлечь его от тягостных дум.

«Ты Кубань, ты наша родина
Вековой наш богатырь».

и все хором дружно подхватили:

«Многоводная, раздольная
Разлилась ты в даль и в ширь...

И среди степи и лесных массивов западной Белоруссии, еще долго лилась песнь о родимой Кубани.

II

В некоторых районах западной Белоруссии, в 1944 году, в начале июня, кое-где располагались казачьи части, для охраны мирных жителей от грабежей бандитских выродков.

Прошло недели две после того, как Баклан, направляясь к станции железной дороги, с тремя кубанцами и сельским старостой проехал мимо села Лесничи.

Тихая июньская ночь опустилась над селом. Все казалось в нем уснуло, лишь в приусадебных садах звонко переливались соловьи, да иногда, изредка, где-нибудь спросонку залает собака, и опять все стихнет.

Но этот мир и тишина были скоро нарушены. Часов в одиннадцать ночи, на окраине села замелькали тени неизвестных людей, где-то раздались одиночные выстрелы, крики. Около дома, стоявшего на окраине села, принадлежавшего хлеборобу-эмигранту с Кубани, у самого его окна послышался голос:

— Ну, если там у тебя никого нет, то кати сюда!!

— У меня, кажется, все комнаты пустые. А что! Ты разве уже нашарпал кого-нибудь? — отвечал другой голос из соседнего дома.

— Давай ко мне сюда! Тут в комнате я заметил товарища, того... подходящий.

И луч света от ручного электрического фонаря, направленный в комнату стоявшим за окном человеком, скользнул по фигуре вскочившей с кровати молодой, лет 16, девушки, осветив ее испуганное лицо. Это ее образ и привлек внимание находившегося за окном и перекликавшегося с другим неизвестного нарушителя ночного покоя.

Девушка с минуту стояла посреди комнаты, мало понимая причины ночного визита незнакомых людей и недоумевая, кем бы они могли быть.

В это время, мимо окон комнаты, в которой она находилась, послышались торопливые шаги еще другого человека, затем раздался слабый стук в дверь и притворно вежливый мужской голос:

— Хозяйка, открой! Это свои! Маленькое дельце к вам есть! — и следом послышался приглушенный смех.

Девушка на этот отклик ничего не ответила. При повторном, более настойчивом требовании открыть дверь, она также продолжала молчать.

Не получив ответа, стоявшие у дверей разразились страшной руганью, такой, какой уже давно не слыхала девушка и следом посыпались удары приклада винтовки в дверь, стараясь, вероятно, ее отбить. Теперь девушка сразу догадалась кто были эти люди, домившиеся к ней в комнату.

Не раздумывая, выбежав в другую комнату, она сейчас же распахнула мало заметное, находившееся в «глухой» стене дома, маленькое окно, как кошка выпрыгнула в него наружу и выбежала в заднюю часть своего двора. Уверившись в том, что ее никто не заметил, она, пригнявшись между деревьями, межой, в одном платье, босиком, вихрем понеслась к центру села, где в одном доме находилась небольшая группа кубанских казаков, которых хотя и оставалось там сегодня всего 15 человек, но все же были надежной защитой. Вся же сотня, охранявшая эту местность, находилась в данную ночь километров в семи отсюда, в селе Берестово а Кубанский полк, в который входила сотня, располагался в казачьей станции, километрах в пятидесяти от Берестова.

Девушка, быстро пробираясь под тенью деревьев к спасительному дому, в страхе взирая на вспыхнувшие в селе, в нескольких домах пожары. Пламя, взвиваясь вверх, зловеще освещало крыши построек и местами даже дорогу. Горели дома крестьян, подожженные ворвавшимися в село лесными бандитами. Где-то вдали послышался истерический крик женщины, приглушаемый жалобными воплями детей: «Голубчики, дорогие; за что, за что же губите? Разве я в чем виновата? Пощадите...» В то же время оттуда доносились хохот и ругань.

Девушка приостановилась. В этот момент крик женщины стал еще отчаяннее. «Ой, что же вы делаете? Да пожалейте же ради Христа, хотя деток этих малых, они же ни в чем не повинны... Ой, помогите, люди...»

После этого внезапно все стихло, и крик женщины, и плач детей.

Девушка в ужасе опознала в этом отчаянном вопле крик жены сельского старосты, поняла ее беспомощное положение и вначале хотела даже бежать к ней, но благоразумие остановило этот порыв и она еще быстрее помчалась к центру села.

Вбежав в сад двора, в доме которого должна находиться горсточка кубанцев, она в ужасе заметила, что в этот момент всех казаков, со связанными назад руками выводили со двора на улицу. Захваченных врасплох кубанцев окружало до тридцати вражеских солдат, которые избивали их и громко ругались. На улице к ним подошел вероятно, партизанский командир и издевательства приостановились. Командир начал всех казаков о чем то переспрашивать, сначала вежливо, потом более строго.

Недолго девушка стояла среди деревьев в нерешительности и наблюдала эту картину. Она в ту же минуту приняла новое единственно возможное к исполнению решение и, повернув назад, побежала на противоположный конец села. Заметив на углу вражеского солдата, стоявшего вероятно на посту, она не испугалась, а невидимо, как кошка, проскользнула мимо него и во весь дух понеслась в село Берестово, в котором находилась казачья сотня.

Она мчалась не останавливаясь ни на одну минуту. Иногда, на несколько секунд она отскакивала в сторону от дороги, под тень деревьев, чтобы перевести дух и осмотреться, и снова, срываясь с места, как заяц, неслась к спасительной цели. Пот лил с нее градом, но она не чувствовала усталости и старалась как можно шибче перебирать ногами, которые сейчас превратившись словно в механические ходули, повинаясь воле юной девушки, с сверхъестественной скоростью, мчали ее к соседнему селу.

Прошло менее часа такого ее стремительного бега и уже показались окранны села Берестово. Везде стояла мертвая тишина. Казалось, в селе никого нет, но девушка твердо знала, что там, в большом общественном дворе находятся свои вооруженные конники.

Напрягая последние силы, она добежала до известного ей широкого подворья с большим домом и длинной деревянной конюшней и, столкнувшись в воротах со стоявшим там на посту часовым, остановилась.

— Скорей... Бандиты!... — едва смогла вымолвить девушка и в изнеможении опустилась на землю.

Часовой приподнял ее и почти на руках внес в помещение, в котором находились на отдыхе казаки.

На внезапный громкий оклик часового все мигом вскочили со своих мест и обступили девушку.

— Да ведь это же наша Оля! — узнав девушку, воскликнуло несколько голосов. — В чем дело станичники, что случилось, как здесь оказалась? — засыпали они ее вопросами.

— Пить! прошептала Оля. Ей сейчас же подали. Глотнув освежающего напитка, она через минуту пришла в себя и кратко рассказала о всем случившемся сейчас в селе Лесничи, добавив в конце:

— Над казаками сильно издевались, потом стали допрашивать, и... наверное поведут расстреливать за село, а может и там же прямо на улице...

— К оружию! По коням! — громко скомандовал подесаул.

Не прошло четырех — пяти минут, как казачья сотня во всеоружии, наметом неслась к селу Лесничи, спеша на выручку своих товарищей. В доме не осталось никого из казаков. Даже часовой, стоявший у ворот, за ненадобностью в охране теперь опустевшего двора, тоже помчался вместе со своей сотней.

Оля осталась одна сидеть на нарах в том помещении, где только что спали казаки, с ужасом представляя себе о том, что сейчас происходит в ее селе, и отдыхая от семикилометрового бега.

Федор Печорин

Продолжение следует